

К нам на гастроли!

СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

Есть мнение, что сегодня театр теряет зрителя. Есть другое мнение, что сегодня резко возрос интерес к театру. Парадокс в том, что и то, и другое утверждение — справедливо.

Театры, долгие годы жившие рентой с политических и социальных подтекстов в спектаклях, существовали, на самом деле, за счет нехитрого приспособления, называемого «фигой в кармане». Нынче все подтексты прежних дней стали блистательными публицистическими текстами, которые захватывают интересно читать в нашей периодике.

Соперничество театра с газетой — бесперспективно. Гласность размежевала их.

Театры, долгие годы трудно существовавшие, продиравшиеся сквозь тернии бюрократических препон к звездам истинного искусства, сегодня, наконец, могут выйти на прямой диалог со зрителем. Демократизация и гласность открыли для них свободный поиск в искусстве без опасения, что неадекватный спектакль мог оказаться «не принятым» малокомпетентной, но могущественной комиссией. Такие театры сегодня обретают себя и зрителя.

Еще не так давно выпуск двух новых спектаклей Приморского краевого театра имени Ленинского комсомола — «Ювенильное море» и «Прощай, Иуда» — казался немислимым. Совсем не так давно необычная форма спектакля была бы названа «формализмом», а глубокий смысл, заложенный в пьесе, — чуть ли не «идеологической диверсией».

Сегодня успехом этих спектаклей определяется лицо театра.

Заманчивей и насущней всего для театра в «Ювенильном море» — это вера и одержимость платоновского человека, нерасчлененность его внутреннего мира на жизнь для себя и жизнь для

идей. То «вещество существования», в котором сопряжен личный путь с Большим временем.

Избегая искушения проиллюстрировать слово Платонова, тем более решительно отказавшись излагать фабулу повести, театр пошел по пути художественного претворения, по пути перевода поэтики Платонова на язык театрального искусства. Режиссер — постановщик спектакля Леонид Анисимов (он же главный режиссер театра) искал на сцене образность, равнозначную Платонову. Только так, по его мнению, мог состояться спектакль.

И он состоялся. В спектакль полностью внесли свою дань художник — постановщик Василий Валериус, создавший на сцене фантастическое и изысканное пространство, вмещающее в себя землю и космос, подчиняющееся человеку и царящее над ним; и музыканты театра, написавшие под руководством Сергея Пака музыку к спектаклю — музыку тревожную и вдохновенную, беспредельную и чарующую... Точным штрихом вошли в зрительный образ спектакля костюмы, выполненные художницей театра Натальей Стороженно. Все вместе создает образ, напряженный до символа.

В таком спектакле очень не просто работать актерам. Им пришлось осваивать новую технику, непривычный доселе способ существования на сцене. Режиссерский почерк Леонида Анисимова тяготеет к театру гротеска, театру открыто явленной маски, через которую сущность предстает более явно и обнаженно, чем через традиционную бытовую до-

стоверность. Анисимов в таком же ключе выстраивает и мизансцену. Сама композиция персонажей в пространстве сцены — это образный ряд, позволяющий внести в спектакль — помимо слов, помимо текста — смысл платоновской книги, преломленный через восприятие режиссера.

...Роскошный, тяжелый, золотой земной круг, над которым распахнулась «бездна, звезд полна» — и слабые, маленькие люди в нищем рубище. Усилием их слабых рук, соединенным вместе, этот круг начинает свое тяжкое вращение. И музыка, омывшая первой волной небо и землю, набирает свой высокий разбег, и земная твердь, послушная небывалому энтузиазму человека, набирает свой ход. И нарастающий ритм, и почти экзистенциальное слияние людей, земли, неба и музыки — сродни древнему ритуалу, его магическому смыслу... Так начинается спектакль «Ювенильное море».

И весь спектакль в целом — емкая метафора, магический образ, в котором слились пафос платоновского человека и боль об этом человеке; любование красотой его целеустремленного порыва и трагическая нота знания о конечном тупике.

Пьеса «Прощай, Иуда», написанная польским драматургом И. Иредыньским, поставлена приглашенным из Польши режиссером Романом Кручковским. Польская режиссура и польская драматургия имеют свои особые, неприсущие нашему театру черты, которые привносят необычное своеобразие в контекст отечественной театральной культуры.

Пьеса «Прощай, Иуда» — это глубоко философское размышление о сути и гранях предательства, о взаимоотношениях человека с идеей и властью, выраженных через взаимоотношения между людьми. В то же время сюжет пьесы строится по увлекательным законам детектива, где каждый персонаж оказывается в какой-то степени оборотнем. Поставленный в манере, весьма характерной для польского театра — несентиментальной жесткости, открытой символики, эффективного приема — спектакль Романа Кручковского не только содержательно интересен, но и привлека-

телен своим художественным обаянием и новизной.

Эти две новые работы Приморского театра в то же время для него закономерны. Театр всегда шел по пути серьезного и вдумчивого разговора со зрителем о важнейших проблемах нашего бытия, он никогда не брался за социально-политические односторонние или за так называемые «производственные» пьесы.

Даже репертуар для самых маленьких может многое рассказать об установке театра. Надо заметить, что детский репертуар — одно из самых уязвимых мест театров. К нему обыкновенно относятся наиболее безответственно. Однако Приморский театр старался найти все возможные формы, способные удовлетворять и развивать восприятие ребенка. Игровые спектакли «Терем-теремок» и «Незнайка в Солнечном городе» принимают в свою игру маленьких зрителей, и дети с большой охотой становятся соучастниками веселого и озорного действия. В спектакле «Анчутка», где лесная нечистая сила становится человеком, моральная назидательность сказки уравновешена необычным увлекательным сюжетом. «Карусели над городом» — фантастика с пришельцами, «Финист — ясный сокол» — красивая сказка, выполненная в стилистике Палеха, «Три толстяка» — всеми любимая, но притом остросоциальная сказочная история Ю. Олеши... Разговор театра с маленьким зрителем разнообразен и продуман и по формам, и по существу.

Принято репертуар театра делить по возрастным группам зрителя, к которым обращены спектакли. С детьми младшего возраста это просто. Но было бы несправедливо такие спектакли театра, как «Крестники-нолики», «Вагончик», «Терех», обозначить спектаклями для подростков или для молоде-

жи. Они в равной степени для любых взрослых, будь то поколение мам и пап, или поколение бабушек и дедушек.

Юные хулиганки, избивающие друг друга. Развязные, панкующие девчонки, с наслаждением эпатирующие взрослых. Суд над этими девочками составляет основу публицистической пьесы Н. Павловой «Вагончик». В процессе трехдневного судебного заседания многое открывается, но самое главное открытие в том, что суд, по существу, выносит приговор взрослым. Это их уродливым отражением стали собственные дети. И «нечего на зеркало пенять, коли рожа крива...».

И Терех, герой одноименного спектакля, мучительно ищет ответ на вопрос: что есть добро? Он «неправильный» человек с точки зрения взрослых, и они, желая Тереха «исправить», убивают его... Этот спектакль, поставленный по пьесе С. Злотникова, движется на грани абсурда. Постановщик спектакля Л. Анисимов выстраивает его образы как маски — гиперболы, подчеркивая и обнажая их абсурдную сущность. Агрессивное поучение Добру оборачивается Злом.

Проблемы общие. Проблемы общества. Всем есть, о чем задуматься. О терпимости и нетерпимости. О добре и зле. О любви и справедливости. Так же, как и неумирающий гоголевский «Ревизор» или чеховские «Маленькие комедии» — эти спектакли говорят о насущнейших вещах и обращены к сознанию любого, кто способен думать и чувствовать.

Только в таком разговоре со зрителем видит смысл своего творчества Приморский театр им. Ленинского комсомола. И приглашает вас к этому разговору.

Т. ГАРМАШ,
театральный критик.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Прощай, Иуда».

Фото М. Павина.